

Картина Уилла Сэмпсона / Painting by Will Sampson

LINKS - go down, pls.
См. ссылки внизу.

[Светлана Лютова](#)

Игра проявляющихся смыслов: не более чем интерпретация...

На постере (1982 г.) Фестиваля индейского кино, ежегодно проводимого Институтом кино американских индейцев в Сан-Франциско, – написанный маслом женский портрет работы Уилла Сэмпсона (1933–1987).

Чистокровный индеец маскоги, один из духовных лидеров национального движения, в молодости чемпион родео, живописец, киноактёр, наконец, Уилл Сэмпсон находился в тот год в зените славы, приближаясь к 50-летнему своему юбилею и, в тайне от близких, преодолевая болезнь, которая через пять лет всё-таки сведёт его в могилу. В эти оставшиеся пять лет у Сэмпсона, отца семерых детей, родятся ещё два сына...

Лента фестивальных постеров на сайте Института медленно «грузилась» в компьютере, и передо мной, нетерпеливо ожидавшей, когда же очередь дойдёт до 82-го года, вспыхивали яркие, декоративные картинки индейских художников, вертевшие киношную тему в привычной уже мне, индеанистке, стилистике «нейтивной» романтики...

И вдруг – ожог неприязни и разочарования! – вот он, постер 1982 года. Что за тёмные, грязные краски! (И уже пропали, как не бывало, все соседние постеры...) Что за небрежные, незавершённые словно, мазки! (Как раскалённые клейма, въедающиеся в сетчатку...) Что за принуждённая поза у этой фигуры, выписанной с прилежанием непрофессионального реалиста! И руки этой женщины!.. Жилистые, с крупными кистями – не женские вовсе, костлявые руки Смерти, мертвенно серые, с синюшно-бордовыми пятнами трупного разложения. И это ещё! Что за ошмётки цвета запекшейся крови в верхнем левом углу?!

(Что-то, что-то... что-то мне напомнил этот шок от первой увиденной мной картины Уилла Сэмпсона... Он напомнил мне шок при виде самого художника – Чифа Бромдена в «Пролетая над гнездом кукушки», в роли которого он предстал мне! При виде его лица – отталкивающего в первый момент и значительного, притягательного впоследствии непреодолимо!)

Притягательное непреодолимо... Таким становится и лицо молодой женщины, как только позволишь её портрету завладеть тобой. Лицо индеанки...
Некрасивое лицо.

Сначала думаешь, что смотрит она, в три четверти повёрнутая к нам левым плечом, прямо перед собой, куда-то вдаль (над левым ухом зрителя). И отсутствующий взгляд такой успокаивает, соответствуя всей позе хрупкой этой женщины. Неожиданно вздрагиваешь, заметив, что индеанка взгляд «перевела», и чёрные, без блеска, без искры единой, дыры её зрачков нацелены на тебя! Смотрит. Тяжело и выжидательно, с откровенным и мрачным вызовом! Без дерзости, без тени кокетства! La bruja! Ведьма...

Напряжённое ожидание боя в этом взгляде, достоинство – в осанке... Но руки расслабленно опущены вниз, прижимая (собственной тяжестью) плоскую пустую чашу – дном её к животу. И чёрные волосы мирно льются за спину, пустив на грудь лишь тонкую прядку – змеящимся ручейком.

По гладким волосам нечаянно соскальзываешь с фигуры – в фон... И с головой уходишь «под воду» – в подспудный-подводный мир портретиста, в синюю его мглу. Фигура женщины задаёт координаты этому миру, парит в воздухе перекрестьем его осей, средоточием. А мир простирается сзади наперёд от женщины и справа налево от нас, разворачиваясь больше во времени, чем в пространстве.

Полуночная синева за спиной индеанки озарена свечением, источник которого быстро находишь: живой росток, почка ясного сияния, остриём устремлённая вверх и вдаль от нас, «по орбите» женской фигуры.

Чистая синева, однако, скоро сходит на нет и над головой индеанки

вытягивается мутным дымом, в котором грезится лицо, мученически и мучительно сведённое судорогой. Сизый дым тускнеет, желтой сукровицей стекая вдоль правой щеки Ведьмы, уходя в грязную черноту левой – большей! – части полотна. Это часть Вселенной, во всех смыслах предстоящая женщине, ОТТУДА устремлён на нас – ей ли принадлежащий? – её взгляд. Тем он и страшен так.

Что там? (Всё здесь не так, всё не ладно! Мир заверчен задом наперёд и против солнца!) Вдруг открывается, что кровавой сгусток невиданного доселе распятия, нависшего над миром, вздёрнут на верхнем перекрестье прямоугольной рамы... Зеркала? Почти. Сквозь его поверхность ощеренным змеиным черепом нацелено НЕЧТО – «мёртвая голова» – навстречу сияющей, мягкой телесной почке... И антипод, и зеркальное отражение нежной завязи жизни!

Два эти элемента картины создают напряжённую ось полотна, ось противостояния – добра и зла, жизни и смерти, прошлого и грядущего, гармонии и хаоса, покоя и суеты, мира и агрессии. Ось слегка смещена орбитой женской фигуры... Даже эта линия противостояния подчинилась силовому полю её своевольного духа! Это Ведьма, не её ли это страсть к отмщению нарушила порядок вещей?

Жёсткий взгляд её, тусклый, мертвящий, не сулит материнства. Пусто чрево, явленное чашей в руках женщины, с кромкой, обведённой синевою индиго...

Ой ли? Пусто ли? Вглядитесь! В полутенях, заполняющих чашу, сгустятся видения: вот призрачная, полупрозрачная кость вытянулась вдоль мертвого левого предплечья Ведьмы... Вот пальцев костяшки, кажется, высунутся вот-вот из чаши над передним краем её! Вот человеческий череп (детский?) зияет глазницами под правой ведьминской кистью, собственнически опущенной на него!

Мать-Могила (Мать-Сыра-Земля?), вот она кто, вектор жизни развернувшая в смерть, занёсшая над ней ритуальный нож (см. дальний, парный «дыбе» с распятием, угол «зеркальной рамы»)! Убийца, злокозненно колыбель чрева своего превратившая в могилу. (Медея?)

Вот оно, дитя, вот темя, лоб его и глазки, столь же призрачные и безжизненные, как те кости в руках женщины! Дитя уже сгнуло в паучьих лапах (тьма, проникшая в нижнюю правую часть полотна, корчащая там рожи)...

Чрево женщины отверсто в область смерти... и запечатано навеки теперь автографом художника! После «Wm. Sampson» там продолжалась строка, взгляните! Но была записана сплошь мазками небесных - белизны, голубизны, лазури. Те же ясные краски, что и на подоле белого платья, – на груди женщины, на бахроме «крыла» её свадебного наряда... Те же цвета небесной благодати – на лбу и в преддверии чрева. Седьмые небеса, желанная невеста (помните, в русской сказке невеста требует себе платья – цвета утренней зари, цвета вечерней?..) осквернены, изгажены, залиты – сукровицей смерти, источаемой мыслями своевольницы. Однако свет «седьмых небес» не меркнет, ведь он – лишь отсвет ТОГО, что скрыто за краем полотна, за пределами смерти – над левым верхним углом картины.

ТОМУ СВЕТУ настезь распахнуты руки и грудь гниющего куска мяса, с запрокинутой головой и содранной кожей – уже не человека, пронзённого накрест жердями «зеркальной» рамы. Он распят и вздыблен на пыточном столбе, истекающий бурой кровью... Ведьма, пресекая завязь жизни, усугубила пытку, но и самой ей не избежать пронзающих плоть кольев...

Справа налево, снизу вверх веет повсюду нездешний ветер, дым жизни, испарину смерти – снося, снося! – к Тому Свету, в котором всё исчезает, оправданное, обелившись. И только Ведьма чёрными дырами страсти неутолимой сверлит, засасывает, жжёт – не пускает! С земли не пускает? С небес? Из могилы?..

Что я пропустила? Чего не увидела? Мне не хватает бэкграунда, культурного бэкграунда маскоги! Но вот что я знаю: смерть на пыточном столбе – честь для мужчины, шанс спеть свою песнь смерти, вершина пути. И вот что я знаю ещё: женщина с чашей, полной человеческих костей, – не только детоубийца. Она – хранительница памяти, быть может... Душеприказчица умершего, та, кто отдаст ему последние почести, когда настанет время... Та, кто совершит обряд омовения костей. Повитуха Смерти, принимающая у той роды человеческого существа – в Вечность!

Кто же она? Возлюбленная художника, оскорблённая им - отомстившая - тиражированная за это на постерах разгневанным другом (всё про неё нам... нарисовавшим!) - не забывшая и незабвенная?
Или это олицетворение культуры маскоги, что пересохшими (от слёз иссякших) глазами пытается пустоту? Что омывает кости чад своих, растворяющихся в новых народах?..
Или Ведьма олицетворяет собой индейскую культуру современности, стремящуюся к унификации, убивающую тем самым дух своих детей?..
И то и другое и третье... А также то, что вы поняли сами... И то, чего не поняли мы все!

О времени

В языке маскоги (родном языке Уилла Сэмпсона) – четыре грамматические формы прошедшего времени зависят от степени давности минувшего. То, что случилось 20 лет назад и раньше, относится к давнишнему времени, приравнено к архаике.
Третьего июня 2007 г., таким образом, жизнь Уилла Сэмпсона отодвигается в... окончательно прошедшее, творчество же его в Вечности пребудет.

Картины Уилла Сэмпсона в Интернете

[Источник : этот портрет и постеры других художников \(1975 - 2006 гг.\) на сайте Института индейского кино / The source: this poster & other artists" ones on AIFI.com](#)

[William Sampson, Jr. as a Creek Nation artist \(see P. 5\) / Об Уильяме Сэмпсоне Младшем как о крикском художнике \(см. стр. 5 текста\)](#)

[W. Sampson's art on Kvskvnv Association web-site / Картины и рисунки У. Сэмпсона на сайте Ассоциации "Каскана"](#)